

Лично я оказался не совсем подготовленным к такому литературному переждению. Но я пытаюсь обнаружить и прирастить свою дорогу, что само по себе мучительно и требует много времени. Однако пока не отступаю. Те, что пляшут ныне в вихрях новой литературной метели, полагая, что отныне они не дадут никого услышать, кроме себя, скорее, не подозревают, что возможны и другие пути-дороги.

И хотя вы намного моложе меня, вам, как и мне, кажется, тоже требуется преодолеть некоторые традиционные каноны. Это я сужу по тому рассказу, который вы прислали мне на ознакомление.

Надеюсь, вы правильно воспримете мою придирчивую оценку. Я не собираюсь предсказывать. Вполне возможно, в человеке могут прорваться скрытые накопления духа, чего я не исключаю и в данном случае.

Но как бы то ни было, автор должен соизмерять себя, свои творческие намерения и цели с тем, что уже обретоно и освоено уже в новом качестве литературы. Трудно описать в письме, что это значит. Сюда включаются все переживания, которые только можно словесно выразить, — от жуткой тьмы подсознания до философских озарений, от низменных инстинктов до взлета духа за «пределы времени и пространства»...

Эти слова я говорю прежде всего и себе. За последние два года я пережил и переживаю упорно молчаливое сопротивление действительности моему перу, хотя, казалось бы, я имел определенный надел в литературном поле последних десятилетий.

Вместе с исчезнувшей эпохой, оползнем скатившейся в бездну небытия, ушли и многие литературные деяния той поры. Все это горько, но закономерно...

И вот теперь наряду с ниспровергателями традиций, дружно стаскивающими литературу в подземелье, вышли на поле словесности новые, молодые дарования, подчас поражающие меня своим качеством письма. В частности, в шестом номере «Знамени» за истекший год два молодых автора заставили меня задуматься над невостреченными ресурсами современной словесности. Это Владимир Кравченко (повесть «Ужин с клоуном») и Олег Ермаков (первая часть романа «Знак зверя»). Особенно Кравченко мне многое сказал тем, что его проза, будучи с виду вполне традиционной, повествовательной, монологичной, сдержанной по части столь модных ныне сексстрастей, заключает в себе поистине художническое чутье, чего бы он ни касался — и души, и предмета. Это мастерство современно мыслящего писателя.

Почитайте эти вещи, если будет желание. Посмотрите, какая «планка» поднята вашими сверстниками.

Сам я думаю о том, что мне на моем пути следует искать новые тропы к уму и сердцу своих читателей. И я предпринял такую попытку и сейчас нахожусь в непривычной мне работе. Что из этого получится — покажет итог этого испытания.

Думаю, что перед вами трудный путь в литературу. Трудный для всех нас.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Чингиз
АЙМАТОВ

Письмо молодому писателю

ОДНА из причин моего долгого молчания — вот уже длительное время я нахожусь в тяжких раздумьях. Снег сомнений густо падает на душу и днем, и ночью. Для литературы наступила полоса невзгод, крушения и воцарения новых идолов. Литература прошлых лет оказалась заваленной живьем во рву истории. И если одни стенают на руинах былых храмов, то другие ликуют, истерично прославляя известную ложь изреченного слова. Это произошло на наших глазах.

Но и новоявленная постмодернистская литература, так шумно ворвавшаяся на базар, тоже далеко не радует сердце своими, скажем, несомненными открытиями. Лес все тот же, только аукается с другой стороны. Шизофреническое видение жизни, столь характерное для постмодернизма, упоение стихией подсознания не открывают читателю заявленного сверхпрозрения. Претензии на «кафкианство» и «набокианство» пока не подтвердили уникальной плодотворности этих направлений как искусства изображения «подполья» человеческих страстей, которому не требовались бы на каждом шагу навязчивые коммиважеры-зазывалы из критической рати.

И, однако, понимаю и то, что невозможно отрицать гибель старого и рождение нового. Морализаторство прежних литературных эпопей уже бессильно, люди настолько усложнились и ожесточились психологически, что прежняя наивная философия добра и зла не производит на них впечатления. Какое художественное видение человеческой природы способно приковать внимание, облагородить эти несчастные и в то же время деструктивные души?

Отсюда актуальность переоценки эстетических приоритетов, технологического переоснащения современного письма. В процессе «освобождения подкорки», к чему на всех парах стремится экстремистская литература, много разрушительного, циничного, умыкающего человека в оргию низменных, животных страстей. И чем разрушительней и страшней — тем похвальней. Это превратилось в некую самоцель. Стереотип положительного обернулся в тотальный стереотип отрицательного. Возможно, в этом через страдания, смуту и проклятия заложена цена будущего Ренессанса? Если это так — то это трагично. Сколько духовного мытарства надо положить на сей алтарь! Критика же всецело в хоре прославителей авангардистов. Обезумели, как наркоманы во Франкфуртском централ-парке. А защищать прошлое уже никто не берется, оно покинуто, «все ушли на фронт».

Похоже, надо пробиваться к другим горам эстетики, где обжигающий ветер намечает жесткие сугробы телерешней действительности.